Это было какое-то чудо, что на выписку Марго из роддома, Наталья Викторовна… пришла! Семён долго не рассказывал Марго, как ему это удалось. А удалось не просто так: доведённый до отчаянья мальчишка, вечером, в канун выписки, в очередной раз выслушивал длинную, научно и социально обоснованную речь матери о том, что нужно быть разумно эгоистичным, думать о своём будущем, не подрезать крылья своей судьбы на взлёте, тем более, что неизвестно… вдруг встал, подошёл к матери и произнёс неожиданно твёрдым голосом:

– Мам, если ты сейчас не пообещаешь, что завтра пойдёшь со мной к Марго…

– Ну и что ты сделаешь? – разгорячённая собственной праведной речью, мать, сначала подбоченилась, а потом и вовсе приняла позу «сахарницы», то есть упёрла руки в боки: – Что ты сделаешь, глупый мальчишка, который не может понять простой… – но договорить не успела.

– Прыгну с моста! У тебя времени одна минута! – и стал одевать ботинки.

Семён затянул шнурки, открыл дверь и вышел. Мать какое-то время оторопело, затравленно смотрела на хлопнувшую со всей моченьки за сыном дверь, а потом ей почему-то показалось, что она слишком долго медлит, а сын уже, возможно, на мосту и прыгает в воду, а там камни! Её окатило ледяной волной ужаса, и Наталья Викторовна в беспамятстве рванулась в эту самую дверь, забыв обуться. Так, босиком

---

[1] Окончание. Начало в № 1, 2019 г.

уже в подъездной двери догнала сына и бросилась ему сзади на плечи:

– Сыно-о-ок! Сынок, остановись! – она знала своего сына.

Семён не ожидал такой реакции матери, испуганно обернулся, и они, наконец, впервые за долгое-долгое время, он уже и не помнил, когда такое было в последний раз, в детстве, пожалуй, обнялись:

– Мам, я так устал…

То, что они оба плакали, он Марго так никогда и не признался.

Пока ожидали выхода счастливой матери с новорождённым, Наталья Викторовна стояла на особицу от всех и делала вид, что она попала в это место случайно или, вообще, не туда попала. Поостыв и успокоившись после вчерашнего, она снова впустила в себя надежду, что ребёнок у этой легкомысленной особы всё же не от её ненаглядного сыночка, и она это сейчас развенчает. Когда принесли младенца, подошла последняя, бочком, скосила глаза на кулёчек, перевязанный голубой ленточкой, и чуть не вскрикнула, потом прижала ладонь к губам, потом покачала головой и… выдохнула, наконец:

– Наш!

Ну, ещё бы не «наш». Внизу снова затрещал квадрацикл. Марго не поленилась, поднялась с кресла и в который раз, с удовольствием, глянула в окно. Ну, точно: счастливые, разгорячённые экстремальным действом, оба розовощёкие, с одинаковыми ямочками на щеках, отец и сын (на руках), спускались с «жуткой штуки». Ваньке годик, а уже мужик, не боится, не плачет, наоборот, герой. А вот и третий подошёл, вернее первый, Семён. Марго привычно покачала головой: «Три молодца, одинаковых с лица», – на всякий случай по-

плевала: «Тьфу-тьфу-тьфу», – и тут же предусмотрительно перекрестилась: «Господи, спаси и сохрани моих мужчин!»

С этого-то «наш» и началось потепление. Сначала температура начала подниматься в душах самих матерей: одна произнесла это магическое слово: «наш», вторая его услышала. И это был первый огонёк, зажёгшийся в вязком болоте неприятия и нежелания признать за свершившийся факт появление на свет божий ещё одной, малюсенькой, но такой родной для всех участников этих событий, души. Казалось бы, ну что ещё надо, вот он, ангелочек, как две капли воды похожий на вас, с вашим набором хромосом, пресловутыми генами, с вашими глазками, ушками, носиком и даже улыбкой беззубого маленького рта. Возьми его в ладони, согрей своим сердцем. Но нет, маятник настроений всё ещё раскачивался, правда, амплитуда колебаний становилась всё меньше и меньше. Через месяц появился «Дэ юро» ещё один гражданин страны, Даниил Семёнович Кожевников. А ещё через три сыграли свадьбу.

К распахнутым воротам дома подкатили две машины. Ого, да это брат с семейством и Юлька со своим! Да они что, сегодня «начать» собрались? Юля – сестра, она-то с братом, и были тогда теми «ещё двумя», на руках у матери. Вон какие вымахали: взрослые, семейные, у каждого по второй половине и по двое детей. Приехали, чтобы оставить, ну, а значит, и вручить, громоздкие завтрашние подарки, не в праздничный же зал их тащить.

Что ж такое, почему ей сегодня так «не на месте», что за день такой, скорее бы завтра, да чего уж там, послезавтра. Стоп… альбом! Марго бросилась к книжному шкафу, нашла, стала торопливо перекидывать страницы, вот они, свадебные фотографии тех лет. И всё исчезло: весёлые голоса за окном, вкуснейшие запахи из кухни, родственники, которых надо встретить…

***

Что это была за свадьба? А надо знать, что это были за времена. Они поженились в конце девяносто второго. Мать с отцом оба работали на одном предприятии, на котором зарплату выдавали рыбой. У них пил отец, а у Семёна такового и вовсе не было. Наталье Викторовне, работнику культуры, неизвестно чем зарплату выдавали, да и выдавали ли. Но погулять на свадьбе, желающих была уйма. И свекрови удалось договориться с залом прямо в своём родном доме культуры. Гостей было со всех волостей, но и каждый нёс, что бог давал, (взаимопомощь в действии), от прошлогодних банок с огурцами до изготовленных по домам винегретов. Мать испекла торт, умела она это делать, но тут даже себя превзошла. Платье тоже заказали, скромненькое, с рюшечками, в общем, ничего, и шляпа. Вот она, на фотографии: хорошенькая шляпка, что она её так стеснялась тогда?

Марго смотрела на эту несчастную шляпку и не чувствовала, что по её щекам давно уже текут слёзы. Они капают на фотографию, прямо на эту шляпку, она их смахивает, а они всё текут и текут. Всю свадьбу Марго думала про Данечку, как он там, у бабушки, матери свекрови. Были ли они счастливы с Семёном в тот момент? Она не помнит, помнит только, что они, всеми забытые, тихо и отрешённо просидели всю свадьбу за столом, почему-то ничего не пили и мало ели, так жевали что-то. И под столом держали друг друга за руки. А свадьба была шумная, бесшабашная, музыку организовали, перепились так, что «мама не горюй», ну а до торта дело не дошло, его, изрядно помятый, ели на следующий день, вместе с оставшимися от свадебного стола винегретами-огурцами-помидорами. А ещё Марго запомнила, что, когда расходились, мать с отцом дружно так шли, друг друга поддерживали, вскорости у них налаживаться стало.

Сквозь пелену воспоминаний вдруг прорвалось:

– Мама, а тётя Рита сидит и плачет.

– Где?

– Наверху, в кресле.

С трудом доходило, что это про неё. Досиделась, уже все, и хозяева, и гости, ввалились в гостиную, катавшиеся накатались, голодные готовились приступом брать огромный обеденный стол. Все дружно бросились наверх, окружили:

– Марго, Ритка, что с тобой? – на лицах тревога, никто ничего не может понять. – Тебя кто обидел.

Ворвался Данечка:

– Мам, мам, а ну рассказывай, что случилось? – вырвал из кресла, прижал к себе.

– Викуся пошла звать к столу, а она плачет тут, – объяснила Юлька.

Все стали смотреть на Семёна, но было видно, что он меньше всего понимает, что происходит, да он всё время внизу был. Сквозь рвущиеся из груди рыдания, Марго пыталась что-то сказать, но у неё не получалась. Она взмахивала руками, жестикулировала, делала какие-то знаки, но вымолвить ничего не могла. Подошёл Семён, и тут Марго, продолжая обнимать одной рукой сына, схватила другой мужа и хрипло, в горле комок, прорыдала, наконец:

– Господи, какая я счастливая!

На этом месте повисла пауза, она была продолжительной, только мать, поднявшаяся последней, стояла у перил, чуть-чуть улыбалась глазами и задумчиво стирала со щеки слезинку, а потом раздался растерянно-возмущённый голос отца:

– Нет, вы посмотрите, мы тут все переполошились, а она… счаст-ли-ва-я.

– Ну да, мы-то подумали, что ты замуж выходить передумала, – поддакнул отцовскому голосу голос братика.

– А мы подарки успели, припёрли, – вставила свои пять копеек и сестрёнка Юлька.

Но, когда раздался подводящий черту дурашливый голос широко известного в узких кругах юмориста, зятя Серёги.

«Нет, из-под венца она завтра надумала бежать!» – этого уже никто выдержать не мог, и догадка Серёги потонула во всеобщем облегчённом хохоте, гвалте, остротах на заданную тему, и вся компания стала дружно спускаться по узенькой, не рассчитанной для такого количества народу лесенке, вниз в столовую. Марго, которая шла последней, смотрела на этот тонкий весёлый ручеёк из родных ей людей и думала о том, что счастье есть, просто его не всегда видишь, но вот в такие минуты оно вдруг проявляется, оно заявляет о себе: вот я, счастье, а вы не знали, что я у вас есть?

Какой счастливый, всё-таки день... Почему сегодня? Ведь серебряная свадьба завтра. Да всё хорошо будет завтра: и праздничный зал, и серебряные кольца, и шары-цветы, и огромное количество приглашённых, и до торта… дело дойдёт! Завтра будет прекрасный день! А сегодня – счастливый!